

УДК 008:39

Калининградский эксклав: социокультурная парадигма «русского острова» Юго-Восточной Балтии

Шахов Вячеслав Александрович

Заслуженный работник культуры РФ, кандидат культурологии, доцент,
кафедра философии и культурологии,
Калининградский государственный технический университет,
236022, Российская Федерация, Калининград, просп. Советский, 1;
e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования социокультурных проблем Калининградского субкультурного локуса обусловлена спецификой формирования национально-культурной общности в Калининградском эксклаве Юго-Восточной Балтии (Калининградская область), находящейся в регионе со сложной историей, а также не похожей на другие Российские регионы полиэтничностью. Культурное поле этой территории формировалось на фоне сложных исторических, экономических, геополитических и демографических факторов. Автора заботят вопросы стабильного развития региона, важную роль в котором имеют не только особые формы экономики и промышленности, но и духовное развитие мира русобалтов, основанное на следовании религиозных принципов всех конфессий, представленных в Калининградском локусе. Только многоплановая картина социально-культурного развития населения Калининградского эксклава юго-восточной Балтии могут способствовать прогрессу населения самого западного региона России.

Для цитирования в научных исследованиях

Шахов В.А. Калининградский эксклав: социокультурная парадигма «русского острова» Юго-Восточной Балтии // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 774-783.

Ключевые слова

Юго-Восточная Балтия, Калининградский эксклав, этнокультура, социокультурная ситуация, русобалты, культурная идентичность.

Введение

XX век был временем тяжелых испытаний для Юго-Восточной Балтии. Границы государств менялись, нарушился присущий региону дух толерантности, национальной и конфессиональной терпимости. Политические конфликты нередко обретали характер националистических. Именно здесь Холокост и геноцид евреев, цыган приобрели наиболее массовые и уродливые формы. Начался век, несмотря на катастрофу Первой мировой войны, с благоприятного развития этнокультурных процессов. Произошло восстановление государственности Польши и Литвы. Был осознан интернациональный статус Восточной Пруссии. Польша вошла в новый век как крупнейшее государство Европы с древней и великой культурой [Davies, 1981]. Национальное самосознание литовцев из этнокультурного движения переросло в определяющую национальную идею, по определению философа Видунаса (Вильгельмаса Сторосты), в литовский дух, доминирующий среди литовцев по обоим берегам Немана [Видунас, 1994]. Настоящей трагедией для народов региона стала Вторая мировая война. В ее итоге результате решений Потсдамской конференции Германская государственность Восточной Пруссии была ликвидирована, северная часть провинции в составе Кенигсберга и прилегающего к нему района была передана Советскому Союзу, была подтверждена принадлежность Мемельского края Литве, а две трети этой провинции переданы Польше. Специфику освоения территории определяла коммунистическая идея и строгое государственное регулирование этого процесса. Началась интенсивная миграция россиян в трофейные области Германии и инкорпорированные в состав СССР независимые государства Балтии. При этом местное немецкое население было депортировано. Переселенцы из разных республик СССР, среди которых преобладали русские, стали культивировать здесь традиции русской или, скорее, советской культуры. Прежние жители региона, включая онемеченных литовцев и французов – носителей первичных этнокультурных традиций – были выселены в Западную Германию, которая в результате этого получила ценнейших специалистов [Косташов, 1994; Потсдам и Кенигсбергский край, 1996]. Евреи и цыгане уже были уничтожены при Холокосте, немцы также депортировали славян. Караимы по экономическим причинам практически полностью мигрировали в российские столицы еще перед Первой мировой войной. Значительная часть литовских татар была депортирована в восточные районы СССР под предлогом их этнической связи с коренными татарами – на самом деле связь была только историческая, и, отчасти религиозная, поскольку литовские муллы учились в бахчисарайских медресе [Пятружис, 2008, 54].

Калининградская область как Российская часть бывшей Восточной Пруссии стала землей без всякой этнокультурной традиции, метастабильным звеном Прибалтийского региона. Оторванность от материнской метрополии и культурно-исторических традиций переселенцев

сказалась на их ментальности: они перенимали многие элементы культуры старожильского славянского населения Южной Балтии, местного населения, в первую очередь, поляков и евреев идиш-культуры, а затем и балтов, и стали образовывать новый подэтнос русобалтов, не похожий на русских в Литве и Польше.

Технологии этнокультурной интеграции

Культурологическое исследование русобалтов включает описание их этнокультуры и ментальности, прогноз эволюции, оценку наиболее эффективных или хотя бы наиболее доступных технологий воздействия на существующую и перспективную ситуацию в соседней Литве. С учетом оцененной на этапе анализа проблемы информации, речь должна идти не о фундаментальных исследованиях, но о систематизации и адаптации к современным условиям уже существующих технологий воздействия на подэтнос. Точнее, по нашему убеждению, технологий этнокультурного воздействия, применение которых в регионе заложено еще государственными и религиозными деятелями средневековья – Великим князем Литовским Гедиминасом и св. Бруно Кверфуртским.

Анализ этнокультурных технологий, примененных в Юго-Восточной Балтии в ходе ее многовековой истории, приведших к величайшим успехам и к не менее великим заблуждениям и ошибкам, может служить базисом диахронного исследования для выстраивания социокультурных концепций настоящего и будущего этого региона.

Русская диаспора в Литве имеет не меньшую историю, чем титульная нация. История Юго-Западной Руси, почти совершенно неизвестная в современной России, свидетельствует о существовании двух центров формирования русской нации, не только в Московской Руси, но в Малороссии, Белоруссии, в Червонной Руси и в ряде других русских земель, в основном из числа не попавших под иго Орды. Значительная часть этих территорий позднее вошла в состав Великого Княжества Литовского и Русского, признаваемого и государями Московскими. Таким образом, русская составляющая жителей Великого Княжества в то время была, очевидно, автохтонна. Потомки этой, нулевой волны миграции ныне живут на территории Юго-Восточной Балтии, являясь по самовосприятию белорусами (на местном диалекте – гудами). Только в результате этнокультурных катастроф Смутного Времени в России и в принципе ошибочной Польской Конквисты произошла четкая дифференциация России и Речи Посполитой, хоть в это время в Литву продолжался приток восточнославянских мигрантов – беженцев от преследования стрельцов Ивана Грозного. Особенностью первоначального этапа становления русской диаспоры XXI века в Литве, в отличие от других стран нового зарубежья, стала интеграция мигрантов в этноцентричном государстве без потери собственной

национальной идентичности. Трудности изучения русских Литвы, тем более прогнозирования развития подэтнуса, усугубляются тем, что не существует однозначных методов сохранения культуры и идентичности диаспор, как и границ их абсорбции вмещающей нацией. Между тем именно создание интеграционных культурных моделей, как на этническом, так и на цивилизационном уровне, должно обеспечивать взаимопонимание между локальными этносами, устойчивость, прогрессивное развитие и адаптацию в обществе разных по экономическому, традиционно-историческому статусу, духовно-конфессиональному менталитету этносоциальных групп [Пятружис, 2008, 63].

Государство и нация формируются одновременно в двух сферах: внешней – институционально-административной, социально-политической, и внутренней – в сознании людей. Внутренние установки превращаются в социальное и политическое действие, наполняют жизнью и легитимизируют возникающие институты. Фундаментом государства и нации является идентичность, устойчивый образ государства и нации в массовом сознании, разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к этим институтам и лояльность по отношению к ним. Для полиэтнических государств важна гармонизация отношений титульной нации и проживающих в стране диаспор. Взаимосвязи различных культурных элементов и поведенческих моделей индивидуальны для каждой этнической культуры и исторической ситуации. Затрудняет взаимопонимание народов то, что явления, центральные или значимые в одной культуре, в другой принадлежат к иному ценностному ряду или вообще относятся к совершенно иной сфере, причем объяснение этого часто очень трудно подобрать. Этническая идентичность имеет своим основанием культурные составляющие: язык, общее понимание течения истории, общих предков, общей исторической родины, а также систему взаимоотношений, приоритетов и целей. Этничность может возрастать или ослабевать в зависимости от внешних условий. Усиление этничности группы, в первую очередь, является ответом на попытки ее подавления извне. Как правило, именно внешние этнические условия определяют поведение группы [Пятружис, 2008, 62].

Для интегрированной этнокультурной общности необходимо включение в массив используемой культурологической и историографической информации этнокультурных феноменов вмещающей нации. После перехода антропологических дисциплин, включая культурологию, в разряд прикладных, возник ряд методологических проблем, приближающихся к точным наукам – например, психоанализ.

Потоки миграции, экономические, культурные и иные контакты приводят к переносу культурных ценностей, вносят изменения в образ жизни, нормы поведения и общения. Для вмещающей нации, общества-реципиента, характерно стремление сохранить целостность своей ментальности, в результате чего оно часто отторгает не только иммигрантов, но и

старожильческие инокультурные сообщества, нейтрализуя их влияние на автохтонов, воспринимая как этнокультурную норму ассимиляцию малых этносов. Общинная сплоченность способствует изоляции диаспоры. Дискриминация же в свою очередь приводит к враждебности к вмещающей нации. Если культура диаспор не оказывает сопротивления заимствованиям, возникает угроза утраты национально-этнической самобытности. Другая опасность состоит в том, что силы сопротивления могут принимать изоляционистские формы. Пытаться проверять все эти аспекты гармонии человеческого сознания математическими формулами наивно и контрпродуктивно. Надо лишь не забывать этнологической аксиомы: человек без памяти о прошлом, лишенный исторического опыта своего и других народов, оказывается вне исторической перспективы, его деятельность бесплодна и разрушительна [Платонов, 2002].

Население края не автохтонно, не имеет исторических корней, в значительной части лишено живой культурной традиции, при этом многообразно по этническому составу и социальному статусу. Эксклав находится под культурным, более того, ментальным воздействием Запада. В условиях инокультурного окружения прочтение культуры представляет собой сложный механизм. В таких условиях трудно создавать новые парадигмы по этнокультурному просвещению молодежи, особенно в условиях кадрового дефицита специалистов культурологической направленности. Именно поэтому избранный аспект этой проблематики был бы сложен для описания процессов в других регионах. Низкий уровень культурологического осмысления социокультурной ситуации российского «острова» Юго-Восточной Балтии ведет к минимизации ее генезиса.

Исследования русского населения вне мест традиционного проживания, включая анализ балто-славянских отношений в регионе Юго-Восточной Балтии до распада СССР, по идеологическим мотивам не производились вовсе. Ввиду высокой политизированности проблемы исследование русской диаспоры дальнего зарубежья были спорадическими, тем более мало объективными. Считалось, что положение и этнокультурные параметры русского, живущего в Саратове, Фрунзе и в Риге абсолютно идентичны. Речь идет не о последнем десятилетии, но всей глубине изучения этнокультуры Прибалтики. Это всегда объяснялось нежелательностью анализа вне полицейских структур по политическим причинам, но зачастую, напротив, именно отсутствие научного подхода приводило к перманентным кризисам.

В XXI веке гуманитарные факторы впервые в истории выступают на первый план, наблюдается процесс системного сближения народов и культур. В частности, геополитические преобразования конца 90-х годов привели к созданию ряда транснациональных регионов. Наиболее характерным примером такого геополитического

образования – и одним из наиболее проблемных, несмотря на то, что конфронтация здесь не вышла на уровень вооруженных конфликтов, стала Юго-Восточная Балтия и весь Балтийский регион. Регионализация культуры – тенденция, характеризующаяся далеко идущими социальными последствиями. Сохранение русской культуры в регионе Юго-Восточной Балтии обеспечивает стабильность всей Восточной Европы. В полиэтническом и поликонфессиональном регионе приоритетное значение имеют коммуникативные функции культуры, ибо гармонизация отношений происходит на основе обмена сведениями о культурной идентичности отдельных стран, что, в свою очередь, порождает новую интеграционную региональную культурную идентичность.

Российский эксклав юго-восточной Балтики является не только аванпостом русской цивилизации на Западе, но с XIII века служит связующим звеном российской и балтской, более того, западноевропейской культуры. Новая система ценностей, с которой человечество вступило в XXI век, характеризуется глобальностью и поликультурностью. Гуманитарные факторы впервые в истории выступают на первый план, наблюдается процесс системного сближения. Геополитические преобразования конца 90-х годов привели к созданию ряда транснациональных регионов, в том числе и Балтийского. Интенсивный рост культурного и социального обмена между странами Балтии, взаимопроникновение этнокультур и ментальности народов дают возможность говорить о едином регионе, пронизанном не только общими экономическими интересами и структурами, но и единой историей и культурой.

Проведенные теоретические исследования и мониторинг этносоциальных явлений в регионе позволяют с достаточно высокой эффективностью применять этнокультурные технологии в решении не только национальных, но и политических и экономических проблем Юго-Восточной Балтии. Практическая деятельность по регулированию культурных процессов в регионе происходит как естественная адаптация его жителей к новым, более благоприятным и естественным условиям, сложившимся как важная часть становления демократических государств на постсоветском пространстве. Можно лишь сожалеть, что подобные технологии не были сформулированы как практические рекомендации к концу XIX века, за много лет до начала кризиса Российской империи.

Ожидалось, что заключительный акт формирования геополитической карты Европы – Хельсинкские соглашения – станут основным итогом XX века. Но к концу века выяснилось, что многие проблемы геополитики остались нерешенными, и это изменило ход истории. И именно культура, в том числе этнокультура, становится реальной силой, создающей или разрушающей государства. Застой гуманитарных наук не менее игнорирования экономических законов привел к непредсказуемым и деструктивным процессам, включая ныне ставшую главной в мировой политике проблему фундаментализма и терроризма. Как

реалии политики и повседневного существования людей ныне действуют факторы, ранее известные только специалистам, такие, например, как этнокультура. Проблемы этнокультуры в СССР накануне его распада трактовалась как национальные особенности и лежали более в академической плоскости, в которой могли бы и оставаться, если бы выводы науки вовремя были востребованы.

Комплексная, многофакторная проблема – определение культурологической сущности «русского острова» в Юго-Восточной Балтике – Калининградского эксклава, вместившего около одного миллиона наших сограждан. Волею исторических судеб этот осколок Большой России оказался в самом сердце Центральной Европы, между суверенными государствами – Польшей и Литвой. Тем самым этот субкультурный локус повторил судьбу предвоенной Восточной Пруссии, превратившейся по решению Парижского мирного конгресса 1922 года в Reichsinsel – «Имперский остров». Немецкие власти эпохи Веймарской республики, решая социальные и экономические судьбы этого «острова» в условиях мирового кризиса конца 20-х годов, опирались, с одной стороны, на финансовую и промышленную помощь метрополии, с другой стороны – изыскивали местные резервы. Среди них не последнее место занимал рост местного национального самосознания на основе развития гордости за свою принадлежность к населению Пруссии. «Dann bin ich Preuße» – так величественно звучали слова одной из народных песен того времени. Немалую роль в возрождении предвоенной Пруссии сыграла и хозяйственная поддержка, которая оказывалась провинции Советской Россией в рамках Лозаннского межгосударственного соглашения.

Ныне ситуация (как это часто бывает в истории) повторяется, хотя и на новом витке исторического развития. Зарождение и развитие нового для Балтии субэтнуса – рособалтов становится очевидным на фоне перманентно меняющихся внешних и внутренних факторов влияния. Во многом оставаясь вопросом спорным, проблема рособалтов явственно напоминает судьбы населения «Имперского острова» в предвоенное время. Констатируя близость в культуре, истории и ментальности русобалтов и современных литовцев, следует указать на позитивный опыт не только литовцев, но и наших польских соседей в творческом переосмыслении немецкого культурно-исторического наследия на землях бывшей Восточной Пруссии. Польские власти в послевоенное время просто объявили все эти памятники истории и культуры построенными польскими руками. И это не далеко от исторической истины, ибо труд мазурских переселенцев в эпоху средневековья широко использовался в Пруссии. Сходную позицию заняли и власти Литовской ССР. Так были спасены многие сотни бесценных творений средневековых зодчих. Применяя этот метод, жители Российского «острова» Балтики, также могут спасти, увы, немногие остатки культурно-исторического наследия, которыми некогда были покрыты просторы этой многострадальной земли.

Заключение

Это один из показателей сложения субэтноса рособалтов. Важную роль в его стабильном развитии имеют особые формы экономики и промышленности, которые должны возникнуть в Калининградском локусе, духовному миру рособалтов необходимо следование религиозным принципам, которые несут конфессии, представленные в Калининграде и других городах области. Только такая многоплановая, вполне фасетированная картина социально-культурного развития населения Калининградского эксклава юго-восточной Балтии, сущность и основные детали которой уже очевидны и не подлежат отрицанию, могут способствовать прогрессу населения самого западного региона России.

Библиография

1. Davies N. God's playground. A History of Poland. Oxford: Oxford University Press, 2005. Vol. 1: The Origins to 1795. 570 p.
2. Видунас С. Я верю в святое Таинство. Vilnius: Mintis, 1994. 468 с.
3. Косташов Ю.В. Выселение немцев и Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 186-188.
4. Потсдам и Кенигсбергский край. Kaunas: Austra, 1996. 238 p.
5. Пятружис Г. Проблемы интеграции русской диаспоры в регионе южной Балтии. Калининград-Клайпеда: Тип. С. Юокужиса, 2008. 154 с.
6. Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб.: Речь, 2002. 524 с.

Kaliningrad exclave: a socio-cultural paradigm of the "Russian island" of the South-Eastern Baltic

Vyacheslav A. Shakhov

Honored Worker of Culture of the Russian Federation,
PhD in Culturology, Associate Professor,
Department of philosophy and cultural studies,
Kaliningrad State Technical University,
236022, 1 Sovetskii av., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: shakhov1952@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study of social and cultural problems of the Kaliningrad subcultural locus due to the specificity of formation of the national-cultural community in the Kaliningrad exclave of the South-East Baltic (Kaliningrad region), located in the region with a complex history and multi-ethnicity, which is not similar to other Russian regions. The cultural field of this area was formed against the backdrop of complex historical, economic, geopolitical and demographic factors. The author of this article considers the issues of stable development of the Kaliningrad region, where not only particular forms of economy and industry, which should occur in the Kaliningrad locus, but also spiritual development of the world of Russian Balts play an important role. The author notices that the spiritual world of Russian Balts needs in religious principles, which different confessions represent in Kaliningrad and other cities of the region. The author comes to the conclusion that only multifaceted picture of the socio-cultural development of the population of the Kaliningrad exclave in the South-Eastern Baltic, the essence and the main parts of which are already apparent and are not subject to negation, can contribute to the progress of the population of the Western region of Russia.

For citation

Shakhov V.A. (2017) Kaliningradskii eksklav: sotsiokul'turnaya paradigma "russkogo ostrova" Yugo-Vostochnoi Baltii [Kaliningrad exclave: a socio-cultural paradigm of the "Russian island" of the South-Eastern Baltic]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 774-783.

Keywords

South-East Baltic States, Kaliningrad exclave, ethnic culture, socio-cultural situation, Russian Balts, cultural identity.

References

1. Davies N. (2005) *God's playground. A History of Poland*, vol. 1. The Origins to 1795. Oxford: Oxford University Press.
2. Kostashov Yu.V. (1994) Vyselenie nemtsev i Kaliningradskoi oblasti v poslevoennye gody [The expulsion of the Germans and the Kaliningrad region in the post-war years]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 6, pp. 186-188.
3. Platonov Yu.P. (2002) *Etnicheskii faktor. Geopolitika i psikhologiya* [Ethnic factor. Geopolitics and psychology]. Saint Petersburg: Rech' Publ.
4. *Potsdam i Kenigsbergskii krai* [Potsdam and the Konigsberg region] (1996). Kaunas: Ausra Publ.

-
5. Pyatrzhis G. (2008) *Problemy integratsii russkoi diaspory v regione Yuzhnoi Baltii* [Problems of integration of Russian diaspora in the South Baltic Region]. Kaliningrad-Klaipeda: Tipografiya. S. Yuokuzhisa Publ.
 6. Vidunas S. (1994) *Ya veryu v svyatoe Tainstvo* [I believe in the Holy Sacrament]. Vilnius: Mintis Publ.